

Осеннее котяро

Падают листья на землю и на кота. А кот караулит, подстерегает и вдруг бросается на падающий лист, прихлопывает его лапой и грозно грызёт. Ему кажется, что это такие воробьи разноцветные.

«Глупое осеннее котяро, – думаю я. – Листья с воробьями путает».

А кот заметил, что я про него думаю, и затаился.

Падают листья, заваливают кота.

«Эх, и сам-то я как опавший листок, – грустит кот. – Печально на душе, тоскливо».

«Какой листок? – думаю я. – Вон какая морда толстая да усатая».

«При чём здесь морда? На душе тяжело. Лежу вот под листьями, грущу».

«Чего ты грустишь-то, котяро осеннее?»

«Жалко как-то... Вот и птички улетают... Вам этого не понять».

До вечера лежал кот в подсолнухах, печалился. Похолодало. Вскочил кот, выгнул дугою спину, фыркнул и помчался в дом. Сразу полез на печку. «Хватит мне быть осенним котом, – ворчал он. – Стану теперь зимним».

В эту ночь и выпал первый снег.

(из сборника «Жеребёнок» Ю. Коваля)

Весенний кот

Пришла весна, зацвели мать-и-мачеха и незабудки, под коричневыми корнями леса явились подснежники, а в соседнем доме неожиданно расцвёл Кот.

Подснежниками заголубели котовьи усы, мать-и-мачехой и листом черёмухи зазолотели глаза, а на лапах и на груди объявились белые вербные серёжки.

Разукрашенный, цветущий, полёживал он на новой траве, посиживал на старом заборе, блистал глазами на крыше сарая.

Я всё ждал, что на хвосте у него объявится какой-нибудь тюльпан весенний, особенный, котовий, но тюльпан не появлялся.

«Наверно, у котов хвосты цветут позднее, – думал я. – Летом, в июле».

(из сборника «Жеребёнок» Ю. Коваля)

Летний кот

Тут на днях встретил я Летнего кота. Рыжий и жаркий, вобравший в себя солнечный зной, лениво развалился он в траве, еле шевелил усами. Заслышав мои шаги, он поднял голову и строго поглядел: дескать, проходи,

проходи, не заслоняй солнца. Целый день валялся кот на солнце. То правый бок подставит солнцу, то левый, то хвост, то усы.

Начался закат и кончился. Наступила ночь, но долго ещё что-то светилось в саду. Это светился летний солнечный кот-подсолнух.

(из сборника «Жеребёнок» Ю. Ковалёва)

Солнечное пятно

Чужой и рыжий на крыльце моего дома спал огромный кот. Разморенный солнцем, он привалился к двери спиной и посапывал. Я кашлянул. Кот приоткрыл глазок. И это, доложу вам, был жуткий глазок, вполне бандитский. Изумруд и лазурь горели в нём.

Оглядев меня, облив лазурью, обдав изумрудом, глазок закрылся.

– Позвольте пройти.

Кот не шевельнулся.

– Вы не правы, – как можно мягче заметил я. – Ну, согласитесь, это мой дом, приобретённый недавно по случаю. Вы спросите, откуда у меня такие деньги? Я работал, уважаемый. Работал ночами, над-ры-ва-ясь! Позвольте же пройти мне в мою собственность.

Пока я нёс эту белиберду, кот отворил оба глаза, слушая меня с интересом. На слове «над-ры-ва-ясь» он встал, потянулся и отошёл в сторону, освобождая проход. Я открыл дверь.

– Прошу, – сказал я. – Пожалуйста, заходите.

Пропустив меня вперёд, кот вошёл следом. Он вёл себя разумно, интеллигентно, но всё-таки это был опасный кот. Его благородство было окрашено в рыжий пиратский цвет. Неслышно ступал он за мной, но я чувствовал за спиной его рыжее пиратство. Вошли в комнату.

– Располагайтесь, – предложил я. – Вот печь, вот табурет.

Гость оглядел печь и табурет и, заметив на полу солнечное пятно, падающее из окна, лёг под солнце и задремал.

Я отрезал кусок колбасы, которую берёг для гостей, положил поближе к его усам. Он повёл носом и отвернулся.

– Ну, это уже неправильно. Угощаю чем могу. Обидно.

Кот выслушал моё замечание, кивнул и опять задремал.

– Не понимаю, – сказал я. В чём дело? Неужели не нравится колбаса? Странно. Многие любят. Вы сыты? Ночь, полная пиратств? А? Неужели птички? Скажите честно, это так? Птички?

На слове «птички» котяро замурлыкал.

– Не могу приветствовать! – сказал я. – Не одобряю!

Пират с наслаждением развалился в солнечном пятне. Мотор мурлыканья работал ровно и мощно. Странно было, что при таком моторе кот никуда не ехал. Он грохотал, как большой мотоцикл с коляской.

Я сел к столу и занялся каким-то делом, скорей всего писательским скрипучим застольным трудом. Но дело не клеилось. Огненный и

грохочущий бандит на полу отвлекал мысли в рыжую сторону. Отодвинув скрипучий свой труд, я достал кисть и акварель.

Кот приоткрыл глаз.

– Один набросок... приподнимите голову.

Гость приподнял голову, и я стал его рисовать. Солнечное пятно двигалось по полу к закату. Кот пятился, перемещался вслед за пятном, за ним пятился и мой рисунок.

Солнечное движение не мешало мне. Рыжий сохранял позу, не опускал голову. Похоже, он понимал, что рисование котов – дело ответственное в наше время, важное дело.

Когда пятно солнечное полезло на стенку, я кончил работу.

– На сегодня хватит.

Кот поднялся на ноги, размялся, потянулся, мельком оценил рисунок, что-то муркнул, вроде «неплохо», и, не прощаясь, вышел. Пожалуй, отправился пиратствовать.

Просыпаясь иногда ночью, я слышал в палисаднике треск сирени, мягкие тёмные прыжки, кошачьи вздохи.

Наутро кот снова поджидал меня на крыльце.

– Ну, как прошла ночь? Пиратство совершилось?

Котяро замурлыкал на полную мощь, и я понял: да, совершилось.

Я впустил его в комнату, и кот улёгся в солнечное пятно на полу. Оно ему явно нравилось. Кажется, у меня в пятне ему было неплохо. Никто не трогал, не приставал.

Так и повелось у нас. Каждое утро кот приходил, ложился на пол, дремал и мурлыкал, а когда пятно солнечное залезало на стенку, отправлялся пиратствовать.

Однажды он не нашёл на полу солнечного пятна. Весьма недовольно поглядел на меня.

– Помилуйте, батенька, – сказал я. – Дождь на дворе. Пасмур. Откуда же взяться солнечному пятну? Переждём, лезьте на печку.

Кот вслушивался в мои слова, но не желал понять и постукивал когтями в пол, требуя пятна.

– Не могу, – разводил я руками. – Не в силах... Пасмур!

Неожиданное слово подействовало. Кот перестал метаться в поисках пятна, глянул мне в глаза.

«И у вас пасмур? – задумался он. – Нехорошо».

Изумруд и лазурь потускнели в его глазах. Не прощаясь, кот вышел.

«Да что же это такое! – возмущённо подумал я. – Разве я виноват? Ведь не я же укладываю на пол солнечные пятна!»

Начались долгие дожди. Серые капли колотились в тусклые стёкла. Пасмур! Пасмур! Проходили ночи, полные дождя.

Но вот дождь рассеялся, вчера выглянуло и солнце. Скоро, наверно, объявится рыжий пират. Во всяком случае, солнечное пятно у меня на полу опять наготове.

(Ю. Коваль. Отдельный рассказ)

Поздней осенью пришли к нам из северных лесов снегири.

Пухлые, румяные, уселись они на яблонях, как будто вместо упавших яблок.

А наши коты уж тут как тут. Тоже залезли на яблони и устроились на нижних ветках. Дескать, присаживайтесь к нам, снегири, мы тоже вроде яблоки.

Снегири хоть целый год не видели котов, а соображают. Всё-таки у котов хвост, а у яблок — хвостик.

До чего хороши снегири, а особенно — снегурки. Не такая у них огненная грудь, как у хозяина-снегиря, зато нежная — палевая.

Улетают снегири, улетают снегурки.

А коты остаются на яблоне.

Лежат на ветках и виляют своими яблочными будто хвостами.

(Ю. Коваль. Снегири и коты)

Я шел на станцию через клеверище.

Хотелось с кем-нибудь поговорить, но говорить было не с кем. Не с клевером же? Не с ромашками? С клевером что ни скажешь — получится глупость. Я остановился и сказал всё-таки:

— Да вот, на станцию иду.

Клеверище молчало, пошуршивая.

(Ю. Коваль. Жеребёнок)

Дубы

Наступила осень. Вспыхнули берёзы, осины. Только дубы, как зелёные острова, стояли посреди леса.

Кончилась осень. Опали листья. Лес почернел, помрачнел. Только дубы светились в нём, как острова старого золота.

Долго не приходила зима, а когда пришла, на деревьях не осталось и листочка. Поржавели, поредели листья дуба и всё-таки держались на ветках до самой весны.

Весной лопнули на берёзах почки, зацвело волчье лыко, а на ветках дуба всё шуршали старые листья.

Как острова прошлогодней осени, стояли дубы среди нового весеннего леса.

(Ю. Коваль)

Хрюкалка

Поздним весенним вечером, когда солнце спрячется за верхушки деревьев, неведомо откуда появляется над лесом странная длинноклювая птица. Летит низко над прозрачным ольшаником и внимательно оглядывает все просеки и поляны, будто ищет чего-то.

— Хорх... хорх... — доносится сверху хриплый голос — Хорх...

Раньше в деревнях говорили, что это не птица вовсе, а вроде бы чертёнок летает над лесом, разыскивает свои рожки, которые потерял.

Но это, конечно, не чертёнок. Это летает над лесом вальдшнеп, ищет себе невесту.

У вальдшнепа вечерние глаза — большие и тёмные. За хриплый голос вальдшнепа иногда называют «хрюкалка», а за длинный клюв — «слонка». В одной деревне, слышал я, зовут его ласково «валишень». Такое название мне нравится больше всего.

(Ю. Коваль)

Снегодождь

Я выглянул в окно узнать, какая погода, и не понял, что там на улице — снег или дождь?

Мутным, серым был воздух, и с неба летело на землю что-то непонятное. Были видны и дождевые капли и вялые снежинки.

— Снегодождь. Опять снегодождь.

Как долго, как мучительно вставала зима в этом году. Выпадет снег — и сразу весело станет. Достанешь санки — и на горку, кататься. А пока едешь на санках с горы, снег уж растаял, пашешь носом землю.

— Что за времена? Что за зимы? — вздыхала Орехьевна. — Никогда теперь не будет настоящей зимы.

— Надоел снегодождь, — говорил я. — Нужен снегопад.

Как-то в конце декабря, ночью, вышел я на улицу.

Все зимние звёзды и созвездия были передо мной. И небесный охотник Орион, и Псы — Большой и Малый, — и Возничий, и Близнецы.

— Что же такое делается-то? — обратился я к Ориону. — Снегодождь.

И тут тряхнул Орион плечом, и с плеча его полетела на землю звезда, за нею — другая, третья. Начался настоящий декабрьский звездопад.

Затихли скоро звезды, угасли, и откуда-то из черных глубин ночи явились снежинки. Звездопад превратился в снегопад.

Повалил снег валом, и вся деревня — дома и сараи — превратилась вдруг в сказочный город.

И сразу мне стало ясно, что снег этот лёг окончательно и надолго и будет лежать до тех пор, пока виден на небе Орион. Значит — до самой весны.

(Ю. Коваль)

Разберёмся в нескольких видах дождя, чтобы понять, как оживает слово, когда с ним связаны непосредственные впечатления, и как это помогает писателю безошибочно им пользоваться.

Чем, например, отличается спорый дождь от грибного?

Слово «спорый» означает — быстрый. Скорый. Спорый дождь льётся отвесно, сильно. Он всегда приближается с набегающим шумом.

Особенно хорош спорый дождь на реке. Каждая его капля выбивает на воде круглое углубление, маленькую водяную чашу, подскакивает, снова падает и несколько мгновений, прежде чем исчезнуть, ещё видна на дне этой водяной чаши. Капля блестит и похожа на жемчуг.

При этом по всей реке стоит стеклянный звон. По высоте этого звона догадываешься, набирает ли дождь силу или стихает.

А мелкий грибной дождь сонно сыплется из низких туч. Лужи от этого дождя всегда тёплые. Он не звенит, а шепчет что-то своё, усыпительное и чуть заметно возится в кустах, будто трогает мягкой лапкой то один лист, то другой.

Лесной перегной и мох впитывают этот дождь не торопясь, основательно. Поэтому после него начинают буйно лезть грибы – липкие маслята, жёлтые лисички, боровики, румяные рыжики, опёнки и бесчисленные поганки.

Во время грибных дождей в воздухе попахивает дымком и хорошо берёт хитрая и осторожная рыба – плотва.

О слепом дожде, идущем при солнце, в народе говорят: «Царевна плачет». Сверкающие на солнце капли этого дождя похожи на крупные слёзы. А кому же и плакать такими сияющими слезами горя или радости, как не сказочной красавице царевне!

Можно подолгу следить за игрой света во время дождя, за разнообразием звуков – от мерного стука по тесовой крыше и жидкого звона в водосточной трубе до сплошного, напряжённого гула, когда дождь льёт, как говорится, стеной.

Всё это – только ничтожная часть того, что можно сказать о дожде.

(К. Паустовский)

Как их зовут?

Под водой постоянно встречаешь разных рыбят — рыбьих ребят. А как их назвать — не знаешь.

У нас, на земле, просто. У волка — волчонок, у лося — лосёнок, у зайца — зайчонок. У глухаря — глухарята, у дрозда — дроздята, у гуся — гусята. Лисята, утята, ежата, галчата.

А попробуй-ка под водой!

Ну, у щуки — щурята. Это известно. А дальше? У рыбца — кто — рыбцата? У горчака — горчакята? У миноги — миногята?

Непривычно как-то и очень коряво.

А у белоглазки, у подуста, у гольца, у краснопёрки? У сырти, у пальи, у стерляди? Тут и вовсе скулу свернёшь.

Но *подворье* пора обживать и всему дать свои имена.

Надо искать слова.

А они везде.

У рыбаков на берегу. У рыб под водой. У нас на языке.

(Н. Сладков)

Имена птиц

Забавные у птиц встречаются имена.

Ну вот, например, птица поганка. Поганка да еще рогатая!

Или птичка завирушка.

Или юла.

А вот совсем милые имена: овсянка, просянка, коноплянка, малиновка и даже чечевица. А разве плохое название чиж или чечетка?

Или вот, пожалуйста: зеленушка, синехвостка, сизоворонка.

Названия – прозвища лучше всего. В них и внимание, и радость встречи, и счастье открытия. Зарянка... Это та, что поет на заре. Лунь... Этот тот, что «сед, как лунь». Кукушка... «Кукушка, Кукушка, сколько мне лет еще жить?» А она «ку-ку» да «ку-ку». И чем дольше кукует, тем ты больше доволен.

Бывают названия скучные: каменка обыкновенная. Птица – и вдруг «обыкновенная»! Да не могут птицы быть «обыкновенными»! Вы только к ним присмотритесь.

Живое не бывает обыкновенным!

(Н. Сладков)

Рыбьята

Светло и весело под водой в солнечный день!

Особенно на мелководье. Там на песчаных полянках растут длинные и тонкие водоросли, похожие на зелёные волосы.

На эти полянки из холодной и сумрачной глубины выплывают мальки принять солнечную ванну. Мальки толкуются на поляне, как комары-толкунуны.

Проплывёшь сквозь мальковый рой - будто под грибным дождиком пробежишь. Всё вокруг сверкает, и тело щекочат лёгкие "дождевики".

Мальки заглядывают в маску, виляют хвостиками у самого носа. Но поймать их так же невозможно, как и схватить падающие капли дождя.

Мальки всегда очень заняты. То они сосут листики - зелёные соски. То подвешиваются на губах к водорослям - и висят блестящими росинками. Жадные хватают комаров с водяного неба, а любопытные даже высовывают свои носы в наш мир.

Пронеслась однажды над водой мотыльковая метель.

Легкокрылые подёнки устлали воду серыми крылышками.

Мальки сейчас же высунули носы из воды. Но тут вдруг страшная чёрная тень пронеслась над их головами. Мальки в ужасе брызнули вниз.

Я вынырнул и успел увидеть чёрное чудовище.

Это была... ласточка! Она подхватывала упавших в воду мотыльков.

Вот натерпелись мальки страху!

Но рыбьята, как и все ребята, не любят унывать. Унеслась ласточка все сразу за дело. Кто нос в небо, хвостик вниз; кто листик сосёт, кто мотылька за крыло тянет.

Катят по небу серые волны.
Колышутся по дну широкие жёлтые ленты-блики.
Между волн перекатываются шарики воздуха, а между жёлтых лент покачиваются мальки. Блестящие, как капельки солнца.
Светло и весело под водой!

(Н. Сладков)

Драка под водой

Подводные ребята также любят драться, как и те, что живут на земле.
Два лягушонка нырнули в пруд и увидели там странного долговязого головастика-тритона с четырьмя короткими лапками.

„Вот смешной урод! — подумали лягушата. — Надо ему трёпку дать“.

Один лягушонок схватил головастика за хвост, а другой за правую переднюю ногу.

Рванули, — нога и хвост остались у них, а головастик удрал.

Через несколько дней лягушата опять встретили этого тритончика под водой. Теперь уже это был настоящий урод: вместо хвоста у него выросла лапа, а вместо оторванной лапы — хвост.

У тритонов ещё лучше, чем у ящерики, отращаются хвосты, отращаются оторванные ноги. Только иногда происходит путаница, и на месте оторванной части у них вырастает другая, к этому месту не подходящая.

(Н. Сладков)

Лебедь по своей величине, силе, красоте и величавой осанке давно и справедливо назван царем всей водяной, или водоплавающей, птицы.

Белый, как снег, с блестящими, прозрачными небольшими глазами, с черным носом и черными лапами, с длинной, гибкой и красивою шеею, он невыразимо прекрасен, когда спокойно плывет между зеленых камышей по темно-синей, гладкой поверхности воды.

Все его движения исполнены прелести: начнет ли он пить и, зачерпнув носом воды, поднимет голову вверх и вытянет шею; начнет ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающиеся с его пушистого тела; начнет ли потом охорашиваться, легко и свободно закинув дугою назад свою белоснежную шею, поправляя и чистя носом на спине, боках и в хвосте смятые или замаранные перья; распустит ли крыло по воздуху, как будто длинный косой парус, и начнет также носом перебирать в нем каждое перо, проветривая и суша его на солнце, — все живописно и великолепно в нем.

(С. Т. Аксаков)

Прочитайте фрагмент одного из последних интервью И. А. Бродского, сформулируйте и запишите тему данного отрывка и основные проблемы,

поднятые здесь. В отношении одной из проблем сформулируйте свою позицию, представив и записав ее в виде ряда тезисов-аргументов.

Время от времени меня подмывает сесть на самолет и приехать в Россию. Но мне хватает здравого смысла остановиться. Куда мне возвращаться? Ведь это теперь уже другое государство... Я по-прежнему думаю об этой стране в категориях Союза, не России, с этой страной меня связывает только прошлое. Прошлое, которое дало мне абсолютно все, дало понимание жизни. <...> Но возвратиться в прошлое нельзя, и не нужно. У человека только одна жизнь, и, когда справедливость торжествует на тридцать или сорок лет позже, чем хотелось бы, — человек уже не может этим воспользоваться. Поздно. К сожалению, поздно. Я не хочу видеть, во что превратился тот город Ленинград, где я родился, не хочу видеть вывески на английском, не хочу возвращаться в страну, в которой я жил и которой больше нет. Знаете, когда тебя выкидывают из страны — это одно, с этим приходится смириться, но когда твое Отечество перестает существовать — это сводит с ума.

Мышка

Однажды зимним вечером я сидел в Переделкине у телевизора. **Вдруг** из-под дивана вышла **мышь** и уселась у моей ноги. Я закричал с отвращением, и она исчезла под диваном.

Покой рухнул. Я вспомнил прошлогоднее нашествие **мышей**, как я, забросив все дела, расставлял **мышеловки**, рассыпал отравленные зёрна, прятал пищу, брезговал к ней прикасаться... А они продолжали бесчинствовать. Их становилось всё больше и больше. Они вскарабкивались по шторам, пищали, повсюду оставляли свои отвратительные следы и плодились за шкафом, и розовенькие их **наследники** выползали оттуда на свет божий...

Так продолжалось с месяц. Я выдохся, опустил руки. **Вдруг** они исчезли. Специалисты объяснили, что это был какой-то специфический мышиный год.

И вот теперь **снова**?!

Я замер на диване, и **она** появилась **снова** и **снова** уселась у моей ноги. Я шевельнул ногой — **она** исчезла. Страх и отвращение бушевали во мне. Я вытащил из чулана **мышеловку**, зарядил её и поставил в тёмном углу. Покоя **снова** не было.

Я плохо спал. Весь следующий день **её** не было. Но вечером, едва я уселся перед телевизором, **она** возникла. Она сидела у моей ноги, спиной ко мне и, не шевелясь, глядела на экран. Я шевельнул ногой — **она** нехотя удалилась. Я замер — **она** вышла из-под дивана и уселась на прежнее место.

Странно, но я уже не испытывал отвращения. Напротив, какой-то интерес, какое-то ненавязчивое любопытство проснулось во мне. Что это такое? Что за поза у **неё**? Чего **она** хочет?

Я наклонился, чтобы к **ней** присмотреться, но она исчезла.

В течение следующих дней всё совершалось по уже установившемуся распорядку. Я **постепенно** разглядел **её**. **Она** была хороша! **Вдруг** я понял, что **она** хороша. Я увидел **её** маленькие сверкающие чёрные **глазки** и изысканную **мордочку**, и светло-серую **шубку**, и выразительный **хвостик** крендельком. **Она** привыкала. **Она постепенно** перестала исчезать под диваном, а просто чуть-чуть деликатно отодвигалась в сторону, стоило мне пошевелиться.

Я положил на пол кусочек печенья. Она его с аппетитом погрызла, утёрлась лапкой и вновь уставилась на экран.

Прошёл месяц. Чего только не испробовала она, чем только не лакомилась: и печеньем, и салом, и колбаской... Я привык к ней, мало того – привязался. Теперь было бы странно смотреть телевизор в прежнем одиночестве. Не знаю, чем занималась она днём, но вечером зажигался экран, и она тотчас усаживалась перед ним. Мне было хорошо. Я даже перестал вспоминать прошлогоднюю стаю серых животных, эту беснующуюся толпу.

Я вообще не любитель толп. Слава богу, что у меня в доме они отбушевали. А это маленькое изящное существо в светло-серой шубке тоже, видимо, склонно к уединению и вряд ли тоскует по своим суматошным соплеменникам...

Днём я, как всегда работал за своим столом. Зимой темнеет рано. Я подумал, что скоро включу телевизор, и мы усядемся с нею...

Вдруг что-то щелкнуло. Присмотрелся, а это сработала мышеловка, о которой я успел позабыть! Кинулся к ней – а в ней моя мышка!

Как-то у меня сидели друзья. Я рассказал им эту историю. Все удручённо замолкли. Лишь Фазиль воскликнул: «Неужели насмерть?!»

(Б. Окуджава)

Появление новых слов в языке показывает, что важного появилось в мире. И в этом смысле, пожалуй, самое интересное то, как мы называем самих себя, то есть какие новые названия людей появились в последнее время. По этим словам можно судить о том, какие человеческие типы оказываются в фокусе нашего внимания. <...> Вообще названия людей помогают нам составить наш собственный обобщенный портрет, новые же названия добавляют в него новые черты. <...> Если подумать, как было бы интересно из этого океана новых названий выбрать самое новое, самое модное, ну вообще, самое-самое... Попробуем! <...>

Новые профессии заползают в наш мир в таком количестве, что мы уже радуемся, как старым друзьям, *дилеру* и *брокеру*, *дизайнеру* и *креатору* (хотя недавно рассказывали про них анекдоты), не говоря уж о главной профессии грядущего века – *менеджере*.

Кроме профессий есть еще много нового и интересного. На звание самого-самого претендуют, на мой взгляд, два очень модных словца – *блоггер* и *трендсеттер*. С *блоггером* (англ. *blogger*) понятнее – это человек, ведущий блог, то есть дневник в интернете. Мало кто помнит, что сначала-то был *weblog*, но потом, как говорится, «w» упало, «e» пропало, а «b» накрепко прилипло к «log». Результат налицо. Кстати, пример другого игрового слова в интернете – *лжеюзер*, где «лже» означает вовсе не ложный, а *LJ* (*LiveJournal*), то есть опять же Интернет-дневник. Только входящее в нашу жизнь слово *трендсеттер* поначалу вводит в заблуждение, однако это не порода собак. Оно – воплощенная мода, модно само и к тому же называет модного человека, точнее, законодателя этой самой моды, стиля жизни и, не побоюсь нового слова, *тренда*.

<...>

Займствование лишь способ проникновения слова в язык, важно же рассмотреть разные тематические пласты лексики. Так, займствованиями полны, например, современные жаргоны, среди которых главную роль играют сейчас молодежный (сленг), «бандитский», или криминальный, а также некоторые профессиональные (компьютерный, экономический, политический, спортивный и некоторые другие). <...>

Безусловно, эмоциональным является и молодежный жаргон. Слова из сленга часто ничего кроме эмоциональной оценки и не выражают: *отстой*, *кул*, *прикольно*, *супер*, *классно*, *атомно* и т. п. Особое отторжение у людей постарше вызывает междометие *вау*, заимствованное из английского языка и выражающее неподдельный и внезапный восторг. Как же неподдельный восторг можно выражать только что заимствованным и потому

неестественным словом? – недоумевают старшие товарищи. – Вау! Сами удивляемся, – отвечает молодежь.

<...>

Мне не нравятся два модных сегодня слова – проект и продукт, точнее говоря, их новое использование. Кто теперь только не говорит: «У меня есть несколько актуальных проектов» или «Я сейчас задействован в новом проекте». Про новый роман или фильм могут запросто сказать: «Ну, это вполне достойный продукт». Актеры сегодня предпочитают участвовать в проекте, а не сниматься в фильме или играть в спектакле. А для режиссера в свою очередь престижнее в результате проекта выпустить продукт, чем просто снять фильм. Почему так? И почему мне не по себе от этих вроде бы вполне безобидных, хоть и модных слов. <...>

Когда кто-то говорит: «Я участвую в проекте», это может означать все что угодно, то есть буквально все или ничего. Точно так же за выпуском нового продукта может скрываться нечто значительное, а может – ерунда. Мы оставляем собеседнику возможность самому додумать, конкретизировать сказанное нами, заполнить пустоты, создаваемые чрезмерной абстрактностью... С помощью подобных абстракций мы размываем нашу реальность, наше социальное положение, предпочитая весомую и многозначительную неопределенность или, точнее, недоопределенность. У нас ведь как бы все в порядке. Ну, или пусть по крайней мере собеседник так думает.

(М. Кронгауз. Русский язык на грани нервного срыва)